

Как читать эту книгу?	3
Адский суд	5
Содержание	7
Бес № 1. Дмитрий Лопухов. Клуб перестроечной чернухи	9
Черт № 13. Максим Ишаев. Сувенир из Кондратьевки.	21
Бес № 2. Дмитрий Лопухов. Гошка застрял	55
Черт № 12. Максим Кабир. 113	67
Бес № 3. Мара Гааг. Пробка	98
Черт № 11. Герман Шендеров. ЖУРЩ	108
Бес № 4. Дмитрий Лазарев. Нули и единицы	154
Черт № 10. Сергей Возный. Дверца и ключик	164
Бес № 5. Тихон Стрелков. Люблю	193
Черт № 9. Екатерина Белугина. Донные черти.	206
Бес № 6. Дмитрий Лопухов. Вербатим.	239
Черт № 8. Максим Ишаев. Туннели	251
Бес № 7. Алексей Гибер, Александр Сордо. Спичечки	295
Черт № 7. Максим Кабир. Американец.	310
Бес № 8. Матвей Юджиновский. Сопливых никто не любит.	356
Черт № 6. Дмитрий Лопухов. Пластмассовый человек	375
Бес № 9. Екатерина Белугина. Лихо	416
Черт № 5. Дмитрий Лазарев. Куколки.	426
Бес № 10. Парфенов М. С. Скуф, скам и бутор.	468
Черт № 4. Оксана Ветловская. Прорехи	482
Бес № 11. Олеся Бондарук. Мать	526

Черт № 3. <i>Дмитрий Лопухов</i> . Дьявол приходит, когда папы нет дома	531
Бес № 12. <i>Дарья Странник</i> . Кастрюлище	567
Черт № 2. <i>Максим Кабиф</i> . Лазейки	572
Бес № 13. <i>Мирон Высота</i> . человечки.	609
Черт № 1. <i>Дмитрий Костюкевич</i> . Человек за монтажным столом	626
<i>Бесы и черти (Об авторах)</i>	660

Примечание составителя КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ?

Заглянув в «Содержание» антологии «DARKER: Бесы и черти», уважаемый читатель может недоуменно вскинуть брови: ну и как же, мол, понимать, все эти «бес № 4» да «черт № 8»?..

Объясняем. В 2024 году на базе культового онлайн-журнала DARKER были проведены два больших конкурса страшных рассказов. Первый из них назывался «Бесова дюжина», и участвовали в нем короткие истории. Второй получил имя «Чертова дюжина», и соперничали там уже большие рассказы. В финал каждого конкурса прошло по тринадцать произведений.

В этой антологии собраны финалисты как «Бесовой», так и «Чертовой» дюжин (потому и название «Бесы и черти»). В «Содержании» каждый рассказ помечен соответствующим образом: то есть, например, «Бес № 13» — это история, занявшая тринадцатое место в финале «Бесовой дюжины». А «Черт № 1», как вы уже поняли, — это рассказ-победитель «Чертовой дюжины».

Книгу можно читать и перечитывать по-разному (что, возможно, поможет вам полнее оценить ее содержание).

Вы можете читать рассказы в том порядке, в котором мы разместили своих «бесов» и «чертей», — в таком случае длинные истории будут чередоваться с

короткими, а чтение будет наиболее комфортным, поскольку после каждого большого рассказа следует маленький и вы просто не успеете сколько-нибудь утомиться.

Или же вы можете прочитать сначала «Бесовую дюжину», а затем «Чертову дюжину» (либо наоборот). Можете читать финалистов каждого из конкурсов в том порядке, в котором оказались распределены места среди победителей (от первого к тринадцатому), или в противоположном (от тринадцатого к первому).

Уверены, что вне зависимости от сделанного выбора вы сможете получить особый, не похожий ни на что иное опыт. Надеемся, что это будет опыт приятный — ну, настолько, насколько вообще «приятным» может быть чтение столь страшных и необычных историй.

*С уважением,
Парфенов М. С., составитель*

АДСКИЙ СУД

Поскольку антология «DARKER: Бесы и черти» составлена по итогам двух больших литературных конкурсов, то будет нелишне назвать имена людей, входивших в жюри и распределявших места, равно как и тех, кто занимался организацией этих мероприятий.

Сама идея конкурса «Чертова дюжина» принадлежит писателю Александру Подольскому (обязательно почитайте его книгу «Колумбарий», если еще не сделали этого). Создали этот конкурс они вместе с Парфеновым М. С. еще в 2013 году. В 2024-м «Чертова дюжина» разделилась на, собственно, «Чертову» и «Бесову» дюжины.

В жюри «Бесовой дюжины 2024» попали:

1. Писатель Герман Шендеров
2. Критик Ольга Жердева
3. Писатель и музыкант Петр Зубров
4. Руководитель КЛФ «Фронтир»
Юлия Коньшина
5. Подкастер Владимир Дорофеев
6. Писатель Дмитрий Костюкевич
7. Писатель Максим Кабир
8. Писатель Лариса Львова
9. Писатель Дарья Бобылёва
10. Профессиональный диктор Илья Дементьев
11. Редактор Ирина Епифанова
12. Писатель Юрий Погуляй
13. Сценарист, актер, режиссер
Евгений Колядинцев

Судьями «Чертовой дюжины 2024» стали:

1. Писатель Дарья Бобылёва
2. Писатель Надежда Гамильтон
3. Музыкант, вокалист и автор песен
Деметр Грэйл
4. Писатель Вадим Громов
5. Критик Ольга Жердева
6. Учредитель литературных курсов
«Мастер текста» Наталья Криштоп
7. Писатель Александр Матюхин
8. Редактор Александр Прокопович
9. Профессиональный диктор
Александр Степной
10. Писатель Дмитрий Тихонов
11. Блогер и фотохудожник
Ангела Pushba Толстова
12. Писатель Анатолий Уманский
13. Писатель Владимир Чубуков

Организатором обоих конкурсов выступил Парфенов М. С., а самую сложную работу выполняла в ранге координатора его супруга Ирина. Бессменной площадкой проведения всех таких конкурсов с 2013 года остается онлайн-журнал DARKER:
<https://darkeragazine.ru>

БЕС № 1

ДМИТРИЙ ЛОПУХОВ КЛУБ ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ЧЕРНУХИ

КПЧ мы создали весной.

Март грязно растекался по дорогам, небо хмурилось, а я подслушивал разговор двух девочек лет пятнадцати. Одна, синеволосая, заметила это и сказала другой, коренастой и остриженной наголо:

— Старики такие мерзкие.— И ткнула в меня пальцем.— Вон, глянь на этого, плешивый весь, пузатый. Зачем они вообще? Чем они полезны?

Мимо промчалась, окатив меня грязью, машина.

Мне было приблизительно сорок три, и я считал себя человеком умеренной плешивости и приемлемой пузатости. Забрызганные брюки я почистил, а вот как оттереть душевную грязь, не знал. Так что, спустившись к Рустику, запричитал:

— Дети эти... Пузатый, говорят, бесполезный. Ничего себе!

Появилась Тася — она выглядела теперь поновому — обняла меня, поцеловала в расцарапанную щеку, сказала:

— Денис, ты полезный и не очень пузатый.

— И не тотально плешивый. Вот я да, теперь налысо.— Это уже Рустик.

— Как бандит,— улыбнулась Тася.

А я пылал:

— Ребят, мы столько лет собираемся, смотрим все подряд. Давайте займемся реально нужным делом? Будем делиться, анализировать. Блог... Нет! Канал соберем... Или тик-ток. Не знаю. Такое, чтобы не в пустоту, а с пользой.

— И чего анализировать?

— Да что угодно. Фильмы про кайдзю, про ниндзя. Нет! Гонконгское кино про вампиров кен-си. Или...

Рустик саркастически скривил рот, а Тася внезапно предложила:

— Перестроечную чернуху?

Рустика и Тасю я знал с детства.

Сперва мы ходили в секцию настольного тенниса. Однажды я Рустика крупно обыграл, он разозлился, кинул в меня ракеткой. Во время драки треснуло настенное зеркало, и нас исключили. А Тася ушла сама.

Потом мы занимались в шахматном кружке. На соревновании Рустик поставил мне детский мат, в ответ я ударил его по лбу доской. Рустик разразился матом недетским, и нас снова выгнали. Тася ушла сама.

В третий раз мы пересеклись на секции плавания. Опять двадцать пять — драка, исключение. Тася ушла сама.

А потом мы случайно встретились в видеопрокате. И оказалось, что все мы — отчаянные киноманы. Тогда и родилась наша «голливудская» бухгалтерия: выгоднее брать кассеты вместе, чем каждому по отдельности. В тот день впервые посмотрели кино втроем. Сперва было неуютно — уж больно чужими мы казались друг другу. «Врата» Тибора Такача и «Останься со мной» я запомнил плохо, косился то на прямую как палка спину Таси,

то на протертые пятки зеленых Рустиковых носков. А вот на «Балбесах» мы уже освоились: обсуждали, спорили и хохотали.

Никаких кружков нам больше не требовалось — мы сами себе сделали кружок. Брали кассеты, смотрели все подряд: мультики и ужасы, боевики и комедии, триллеры и драмы. Однажды мы добыли «Основной инстинкт» — потом с Рустиком на стоп-кадре всматривались и спорили, есть ли трусы. Тася бешено ругалась, потом сбегала на кухню, вернулась с ножом, сделала несколько коротких махов, будто колола невидимый лед, и пообещала устроить нам «Психо». Рустик заметил, что она больше похожа на куклу Чаки. «На гремлина», — заспорил я. Тогда Тася сказала, что как эксперт в женских вопросах она точно видит трусы на Шэрон Стоун. Мы с Рустиком страшно огорчились.

Во вдохновлявших меня фильмах дружеские шайки всегда состояли из колоритных персонажей — пошлый толстяк, бедовая девчонка, ботан. Но мы были другими: не толстые и не худые, никто из нас не носил очков. Нас не травили, и мы ни с кем не враждовали. Будни утопали в дымке забывая — я их не замечал и помнил только дни, когда мы собирались и смотрели кино.

Мы никогда не клялись на крови и не отправлялись раскрывать загадки... Наверное, мы потому и полюбили фильмы с их приключениями, мистикой и страстью, что у нас все было прозаично: комната, три кресла и кассеты.

Думаю, из-за того, что нам оказалось нечего делить, шайка и протянула столько лет, пережила четыре брака Рустика, рождение Тасиных тройняшек и мои приступы боли.

— Тась, Руст, почему у нас никогда не было названия?

— Как это не было? А «Рустик-Денис-Тася», РДТ?

— Две недели, пока не узнали, что это регулятор давления топлива. В общем, раз мы теперь не просто три балбеса...

— Два балбеса и очаровательная молодая женщина.

— Да-да. Раз мы не просто балбесы и женщина, а исследователи чернушного перестроечного кинематографа, то нам бы как-то называться.

— Давай «Черные»!

— Давай нет.

— Тогда «Перестройка»! Денис у нас будет Горбачевым, с такой-то плешью.

— Руст, хорош, ты вообще лысый...

— Ребят, а давайте просто «Клуб перестроечной чернухи»? КПЧ.

— А такого сокращения еще нет? Какой-нибудь «Клуб папилломы человека»?

— «Коммунистическая партия Чехословакии». Но вообще нормально. Будем КПЧ.

Так вышло, что раньше перестроечное кино мы не смотрели.

Спагетти-вестерны, фильмы нуар (Тася всегда кричала героям: «Не доверяй человеку с именем Скользкий Пит!»), пеплумы — и только несколько перестроечных драм. Рустик видел «Беспредел» и почерпнул оттуда всю известную ему тюремную мудрость. Тася любила «Курьера» Шахназарова, но к чернухе он был с боку припека. А больше мы не смотрели ничего.

Пришлось начинать с остросоциальных азов — с «Маленькой Веры», «Интердевочки», «Дорогой

Елены Сергеевны» и «Аварии — дочери мента». Потом мы спустились глубже, в мир «Меня зовут Арлекино», «Шута», «Соблазна» и «Куколки».

Я писал отзывы. Рустик и Тася делали видео-эссе. Сперва выходило не очень: нас все время выносило на более удобные темы. Рустика — на гангстерскую драму, Тасю прибивало к любимым Хуциеву и Асановой. Но мы становились лучше. Приходили подписчики, появились комментарии. Нам нравилось переубеждать людей, которые думали, что перестроечное кино — это когда кто-то сидит в кресле и разлагается.

Однажды я вновь увидел девчонок, обвинявших меня в пузатой бесполезности, и сказал:

— Девушки, вы в прошлый раз размышляли, за чем я существую. Погуглите «Клуб перестроечной чернухи», если будет время.

— Дед, ты очень-очень ненормальный,— глухо ответила синеволосая.

Она была права, конечно. Но я впервые чувствовал себя при деле, нужным и не пустым. Моей душе после потемок наконец включили свет.

Хотелось прыгать, вопить, смотреть кино и писать про него.

Примерно тогда я и узнал про фильм «Рыба кричит от боли».

Легкодоступная перестроечная чернуха закончилась, и мы начали изучать старые газеты и журналы в поисках редкостей. Как-то я листал подшивку бюллетеня «Новости видео» за девяностый год и наткнулся на кино «Рыба кричит от боли».

Буквально пара строк: «Чернее фильма вы в жизни не встречали. Если у вас не лопнет сердце во время просмотра, дождитесь финального титра! Режиссер: Д. Рябцев».